

Гу Сюэцзян, собравшись уходить, внезапно обернулся:

— У Сюй Жань есть навыки совершенствования, так что с ней непросто справиться. Если враги захотят отомстить, они первым делом ударят по тем, кто ей дорог. Мы втроем постоянно крутимся вместе, разве это секрет? Я-то за себя не боюсь, но вот ты... ты можешь оказаться в самом уязвимом положении.

Чэн Цяньжэнь улыбнулся:

— Я тоже не боюсь.

Насколько опасными могут быть эти люди? Неужели страшнее водяных демонов из реки Цанцзян?

Закрыв дверь, он обернулся и увидел, что Чэн Чжулю стоит позади, задрал голову:

— Брат, у нас неприятности?

Чэн Цяньжэнь увидел, как на лице младшего брата написано само послушание, и не удержался, взъерошил ему волосы:

— Нет, не бери в голову. Иди поспи, а когда проснешься — садись за книги.

— Ты будешь читать вместе со мной?

Чэн Цяньжэнь немного подумал и, убедившись, что на сегодня у него нет никаких дел вне дома, ответил:

— Да, буду.

В последнее время Чэн Чжулю, помимо классических стихов, ритуалов и трудов мудрецов, читал книги по основам совершенствования и базовым знаниям, которые принес ему брат.

Чэн Цяньжэнь долго размышлял и все же решил, что пока брату стоит лишь ознакомиться с теорией. По крайней мере, до весны, когда тот поступит в Академию Наньюань и начнет обучение под присмотром наставников, о том, чтобы направлять Ци в тело, не могло быть и речи.

Господин Гу когда-то прямо выразил свое пренебрежение:

— Подумаешь, великое дело — Направление Ци в тело. Я буду рядом, посмотрю, какие там могут возникнуть проблемы.

Чэн Цяньжэнь так же прямо отказал:

— Нет. Это касается безопасности Сяо Лю. Хотя ты и можешь давать советы Сюй Жань, у самого тебя нет совершенствования, я тебе не доверяю.

В ответ господин Гу лишь закатил глаза.

Сейчас братья сидели за одним столом: Чэн Цяньжэнь выполнял задание господина Сюй, заданное утром, а Чэн Чжулю читал.

Чаще всего они проводили время именно так. Никто не проронил ни слова. Даже если кому-то нужно было добавить туши или сменить свиток, достаточно было одного взгляда, чтобы другой подвинулся, освобождая место. Долгое время формировавшиеся взаимопонимание и привычки делали их совместную жизнь простой.

Окно было приоткрыто, снаружи доносилось стрекотание сорок, а весенний ветер приносил едва уловимый цветочный аромат.

Когда солнце склонилось к западу и в комнате стало темнеть, Чэн Цяньжэнь зажег масляную лампу и принялся рассказывать брату то, что узнал утром от молодого послушника.

Вспомнив о том, что проболтался, он в шутку добавил:

— Завтра я уже смогу взять Искусство Перемен Цветка Сливы. Посмотрим, насколько эта техника вычислений согласуется с твоим мировоззрением?

Чжулю рассмеялся:

— Зачем мне свое мировоззрение? Мировоззрение брата — это мое мировоззрение.

— Но и брат может ошибаться. Тебе предстоит жить своей жизнью, конечно, у тебя должны быть собственные взгляды.

Едва он договорил, как улыбка на лице Чжулю исчезла.

— Сяо Лю, ты не хочешь сдавать экзамен по Вычислению Десяти Тысяч Дхарм? Или ты вовсе не хочешь совершенствоваться?

Они уже не раз обсуждали эту тему, и Чжулю всегда быстро соглашался, повторяя: Я слушаюсь брата.

Чэн Цяньжэнь почувствовал, что тот до сих пор не осознает важности вопроса:

— Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Иначе я решу, что ты просто отмахиваешься от меня, и рассержусь.

Чжулю помолчал, а затем произнес:

— Конечно, я хочу совершенствоваться. Только обладая силой, можно чего-то добиться. Но... если я встану на путь Дао, брат отправит меня прочь?

Чэн Цяньжэнь внезапно все понял. Оказалось, проблема была именно в этом. Глядя в полные привязанности и тоски глаза брата, он едва не выпалил: Никогда в жизни.

Он крепко сжал кулак:

— Не я отправлю тебя, а сама необходимость совершенствоваться может вынудить тебя уйти.

Впрочем, он умолчал об одном. Раньше он слышал от Гу, что с такими природными данными, как у Чжулю, если тот встанет на путь совершенствования и не будет находиться под защитой до того, как достигнет силы, это станет крайне опасным. Например, некоторые влиятельные кланы в столице владеют запретными техниками, позволяющими лишить человека разума и превратить его в марионетку.

Чжулю опустил глаза, потеряв интерес к разговору:

— Разве сейчас не хорошо?

Чэн Цяньжэнь рассмеялся:

— Для меня — конечно, хорошо. Я человек заурядный, мне достаточно того, что в этой жизни я сыт и в безопасности. Но ты другой. Я хочу, чтобы ты жил лучше.

— Раньше я слышал, что в столице во время праздников с высоких башен разлетается золотая фольга; в глубоких горах на западе растет тысячелетнее дерево, на котором обитает божественная птица, чьи крылья закрывают небо и солнце; на востоке, где круглый год лежит снег, на льду расцветают красные лотосы, а ночь всегда длиннее дня; на самом юге этого материка стоит дворец из белого нефрита, парящий в облаках над девятью небесами. Если совершенствующийся достигает святости, мир озаряется чистым светом, а в облаках рождаются блистательные знамения...

Говоря это, он светился изнутри, а затем вдруг замолчал:

— Этот мир так удивителен, жаль, что я все это не увижу. Когда вырастешь — посмотри за меня.

Чжулю поднял голову. Свет свечи озарил его изящное, прекрасное лицо, и в его чистых глазах отразилось теплое желтое пламя.

Он сказал:

— Хорошо.

Нынешний Император Чжао — правитель, равных которому не было прежде и вряд ли будет после.

Взойдя на престол совсем юным, он убил отца и братьев, лично повел войска в поход, пробившись от подножия гор Дунчуань до границ Снежных земель, увеличив территорию империи на одну десятую.

Тридцать лет он занимался ирригацией и судоходством, построив Великий канал Аньго, соединивший север и юг материка — поистине великое деяние на века. Из любви к старшей принцессе Аньго, после завершения строительства, канал получил именно это название.

В расцвете сил он был сильнейшим совершенствующимся в мире. Он упразднил должность Посланника горных врат и жестко внедрил Указ о пребывании в горах, вынудив семь великих сект уйти в тень и держаться подальше от центра власти. Власть императора достигла своего пика.

Но все это было более ста лет назад.

Время беспристрастно. Императору Чжао сейчас сто восемьдесят лет, старые раны и болезни, накопленные в молодости, обострились. Он не может съесть и чашки риса в день и большую часть времени проводит в забытии.

Скажешь, что он выжил из ума — так он вдруг хватает меч и казнит на месте два десятка коррумпированных чиновников. Скажешь, что в здравом уме — так он не может вспомнить, какой сейчас год.

В такой ситуации многие хотели бы что-то предпринять. Но все, что им оставалось — это ждать.

Никто не знал, насколько сильна еще его мощь, когда он внезапно придет в себя, остались ли у него козыри в рукаве и в каком состоянии находится защитная формация императорского дворца.

Поэтому во всей столице, да и во всей империи, стороны сохраняли хрупкое равновесие, осторожно ожидая того дня, когда он уйдет.

Сумерки сгустились, пришло время зажигать огни. Дворцовые слуги в легких весенних

одеждах сновали между высокими теремами и залами, длинными бамбуковыми шестами поднимая изящные фонари и развешивая их под карнизами и в галереях. Сначала в трех главных залах, затем во внутренних дворах — огни слились в одну линию.

Вслед за этим одна за другой вспыхнули тысячи дворцовых палат, и величественный город окутало ослепительное золотое сияние.

В самом грандиозном зале дворца гладкие плиты пола отражали свет, высокие медные журавли-подсвечники излучали холодное мерцание, а за опущенными шелковыми занавесями дрожали тени.

Дряхлый монарх поднялся с помощью слуг и, подойдя к столу, принялся просматривать доклады.

Прочитав второй, он почувствовал усталость и подозвал старого евнуха, служившего ему долгие годы:

— Приходили ли сегодня мои сыновья просить о моем здравии?

Старый евнух почтительно ответил:

— Все принцы ждут вашего дозволения за пределами зала.

Император медленно подошел к окну с узорной решеткой.

В прохладном весеннем ветре под ступенями из белого нефрита стояли несколько молодых людей в роскошных одеждах — кто-то выглядел дерзким и энергичным, кто-то — утонченным и изящным.

Он замер на мгновение, а затем внезапно ударил себя в грудь:

— Нет, не может быть! Как эти никчемные люди могут быть моими сыновьями? Выгнать их! Разве Сюаньюй не пришел? У меня есть только один сын — Сюаньюй!

Он обернулся и схватил старого евнуха за руку:

— Найди его и передай ему: либо пусть возвращается и восходит на престол, либо пусть умирает.

Есть вещи, которые император может сказать, а подчиненные — нет.

Старый евнух испугался, подвел его обратно к окну и прошептал:

— Вы ошиблись, Ваше Величество. У вас четверо сыновей и две дочери. Взгляните

внимательнее, это и есть ваши сыновья.

Император растерянно смотрел на них, в его глазах читалось замешательство:

— Я ошибся? Ох, я устал. Пойду прилягу.

Уложив императора, старый евнух тихо вышел.

Сначала он извинился перед принцами, ожидавшими аудиенции, и убедил их уйти, а затем направился к высокопоставленному чиновнику второго ранга, облаченному в темно-синий халат с вышитым цилиндром. Они отошли в тень залы, чтобы поговорить.

— Господин Лю, вы опоздали, Его Величество только что уснул.

— Господин Гао, как Его Величество чувствует себя в последние дни? Есть ли просветления?

Старый евнух вздохнул:

— Сегодня он даже назвал имя Пятого принца...

Смысл был ясен: он был совсем плох.

— С тех пор как Первый министр лично отправился на восток усмирять бандитов, принцы каждый день приходят во дворец. Вчера даже князь Аньшань заходил, не знаю, что он там наговорил, но так ублажил Его Величество, что тот чуть не написал указ о передаче престола... Если Первый министр не вернется, боюсь, начнется хаос.

Чиновник лишь молча поклонился небу:

— Он скоро вернется. Да здравствует Император, да здравствует Первый министр.

Небо окончательно потемнело, плотные облака заворочались, подобно морским волнам, и грянул весенний гром.

Приближался ливень.

— Ну что за напасть, никак не кончится.

Моросящий весенний дождь в городе Наньян начался еще вчера вечером и до сих пор не прекращался. Весь город утонул в туманной дымке, от которой даже кости начинали ныть.

Когда занятия в академии закончились, площадь превратилась в море зонтов, и в и без того переполненных проходах стало невозможно пошевелиться. Кто-то задел кого-то бумажным зонтиком, кто-то наступил в лужу и забрызгал форму соседа — поднялся шум, споры и извинения, которые в сочетании с кваканьем лягушек в пруду создавали невыносимый гвалт.

Белые цапли на островке посреди пруда Тайе неизвестно куда улетели, цветки персика у библиотеки были сбиты ночной бурей, и лишь листья банановых пальм ярко зеленели.

Чэн Цяньжэнь после занятий, пробираясь против людского потока, поднялся в библиотеку на четвертый этаж, как и договаривались. Однако женщина, выдававшая книги, сказала:

— У него сегодня дела, он не смог прийти, поэтому оставил книгу мне.

Чэн Цяньжэнь поблагодарил ее и спрятал книгу за пазуху.

После ужина, проводив друзей, он достал книгу.

В библиотеке академии больше не было ни одного экземпляра. Неизвестно, где тот послушник его отыскал — открыв книгу, он все еще чувствовал запах типографской краски, словно она была только что напечатана.

Он пролистал ее и почувствовал, что она отличается от той, что он видел вчера. Но из-за того, что содержание Искусства Перемен Цветка Сливы было крайне туманным и трудным для запоминания, он не мог точно сказать, в чем именно была разница.

А не сходить ли завтра и не сравнить ли ее с оригиналом? Нельзя же позволить Чжулю заниматься по поддельной книге.

При этой мысли в голове всплыла улыбка молодого книжника, и Чэн Цяньжэнь почувствовал укол совести — он решил, что был слишком подозрителен и не оценил искренность другого человека.

Во второй половине дня был предмет Основы военной теории, а когда занятия закончились, небо стало совсем серым, и дождь, к удивлению, усилился.

Чэн Цяньжэнь вернулся домой, взял свой старый меч, переоделся в сухое и поспешил на Западный рынок.

Чжулю вытер полотенцем его мокрые волосы:

— Дождь не перестает, посетителей наверняка нет, дел немного, сходи лучше завтра.

Чэн Цяньжэнь улыбнулся ему, раскрыл зонт и вышел:

— Нельзя. Раз надо идти — значит, надо. Если потеряю эту работу, где я найду такую же хорошую? Умница, вечером вернусь и будем заниматься.

Чэн Цяньжэнь вошел в лавку, окутанный влажным паром. Стряхнув воду с халата, он сложил бамбуковый зонт и прислонил его к стене рядом со старым мечом.

В такую погоду торговля и правда шла вяло. В небольшой лавке было пусто. Хозяин перетащил кресло-качалку из-за прилавка под навес у входа и лениво развалился в нем. Его взгляд был пуст — казалось, он смотрел то ли на завесу дождя, то ли на скопившуюся воду в углублении каменного пола.

Чэн Цяньжэнь поздоровался, но хозяин лишь равнодушно скользнул по нему взглядом:

— Пришел счета проверять?

Голос его звучал безжизненно.

Чэн Цяньжэнь посмотрел через дорогу: в десяти шагах южнее под огромным бумажным зонтом располагался прилавок с книгами и картинами Гу Сюэцзяна. Сквозь дождевую завесу было видно, как господин Гу полулежит в кресле с чайником в руках.

Чэн Цяньжэнь снова взглянул на своего хозяина. Ну и ну, два бездельника на Западном рынке, забавное зрелище.

Однако удивительно, что Гу не остался дома спать, а вышел торговать в дождь — видимо, в последнее время у него туго с деньгами.

Вдруг хозяин произнес:

— Сегодня записей почти нет, иди домой пораньше.

Чэн Цяньжэнь, однако, встал за прилавок и взялся за счета:

— Ничего, я проверю долги с истекающим сроком и составлю список.

Хозяин равнодушно отозвался:

— Делай что хочешь.

Чэн Цяньжэнь всегда недоумевал, как с таким безразличным отношением хозяин вообще умудряется вести дела.

До его прихода здесь не было никаких бухгалтерских книг. Получив деньги, хозяин просто

кидал их в ящик за прилавком, а когда нужно было купить продукты — брал, сколько требовалось. Если кто-то из соседей хотел взять в долг, хозяин кивал и говорил, что понял. А помнит ли он об этом и как долго — это уже как повезет.

Когда Чэн Цяньжэнь спрашивал его, тот даже не мог сказать, в прибыли он или в убытке.

— Зачем вести записи? Слишком хлопотно.

— Тогда я составлю таблицу, вам нужно будет только ставить отметки. Раз в два дня я буду приходить и все подсчитывать, ошибок не будет.

Чэн Цяньжэнь заполнил целую книгу таблицами: лапша Янчунь, лапша в кислом соусе, вонтоны — для всего была отдельная графа. Кто купил — ставится отметка. Тех, кто часто берет в долг, он выписал отдельно и рисовал кружки напротив их имен. Пять монет долга — один кружок.

А про проценты, о которых он говорил, или скидки при быстрой оплате — хозяину было совершенно неинтересно слушать.

После прихода Чэн Цяньжэня он также взял на себя закупки — в конце концов, в доме было четыре рта, еды нужно было много. Покупая все сразу, он добивался скидок, и торговцы были довольны.

Так дела в лавке стали прозрачными.

А то, что сокурсники не раз видели его в форме академии в лавках с крупой и маслом, торгующимся с продавцами, их только раздражало. За спиной его ругали: Позорит академию.

Чэн Цяньжэнь делал вид, что не слышит.

Раз в две недели он проводил полную сверку и докладывал о прибыли. Хозяин же не особо вникал, повторяя одно и то же: Делай что хочешь.

Но Чэн Цяньжэнь был счастлив — в конце концов, три серебряных в месяц вполне хватало, чтобы они с Чжюлю жили, ни в чем не нуждаясь.

Составив список, Чэн Цяньжэнь размял затекшие плечи. Хозяин все еще лежал в кресле у входа в той же позе.

Он пошел на кухню вскипятить воды, чтобы заварить чай. Уголь в печи еще не остыл, и, глядя на кипящую воду, он внезапно вспомнил, как пришел сюда впервые.

— Меня зовут Чэн Цяньжэнь, я ученик Академии Наньюань, специализируюсь на математике. Скажите, не нужен ли вам счетовод?

В крупных лавках южной части города уже работали счетоводы с десятилетним стажем, и, видя, что он ученик академии, его вежливо выпроваживали. На Западном рынке были сплошь мелкие лавочки, где хозяин и помощник — это максимум, лишние расходы ни к чему.

Чэн Цяньжэнь получил отказ во всех местах, куда заходил, и, оглядевшись, убедился, что в лапшичной в конце улицы помощника нет, только хозяин.

Маленькая лавка, четыре столика снаружи, четыре внутри.

Хозяин вышел подать лапшу клиенту, он подошел, поклонился и представился.

Хозяин вернулся за прилавком и сел в кресло-качалку:

— Малыш, советую тебе лучше учиться.

Только тогда он разглядел мужчину: густые брови, длинные опущенные глаза, на подбородке черная щетина, волосы небрежно собраны, рукава грубой льняной одежды закатаны.

Зря пропадает такая красивая внешность.

Чэн Цяньжэнь сделал вид, что не расслышал отказа:

— Я не только умею считать, я немного разбираюсь в управлении, умею готовить, могу помочь на кухне...

В лавке внезапно начался спор. Похоже, какой-то заезжий совершенствующийся, не знавший правил Наньяна, повздорил с местным жителем.

Мужчина опустил глаза, не глядя ни на него, ни на тех, кто спорил из-за места.

— А! Убили! — раздался вскрик.

Клиенты в панике бросились прочь. Стулья падали, посуда разбивалась.

Чэн Цяньжэнь взглянул на место происшествия: грудь человека была пронзена мечом, кровь текла ручьем, он был уже мертв, а убийца скрылся.

Видя, что мужчина не отреагировал, он продолжил:

— Если вы будете заняты, я могу помочь на кухне...

Мужчина внезапно перебил его:

— Ты не боишься?

Чэн Цяньжэнь замер. Он только сейчас вспомнил, что это мирный город Наньян, где смерть — это великое событие, и такой молодой ученик, как он, должен был бы поднять шум.

Эх, кричать уже поздно.

— Я... я из Дунчуаня. На границе беспокойно, я много чего видел, так что не боюсь.

Если говорить прямо, прошлое сделало его равнодушным. Его не заботил этот мир, только близкие люди. Жизнь, угасающая на глазах, вызывала лишь вздох.

Мужчина, казалось, был знаком с Дунчуанем, поэтому спросил:

— Откуда именно?

— Переправа Ухуань, река Цанцзян.

— Судя по телосложению, семнадцать-восемнадцать? Чем зарабатывал на переправе?

— Занимался кое-какими делами на реке.

Он ответил быстро, боясь, что его примут за бандита — в тех краях их было больше всего.

Мужчина проявил интерес и наконец посмотрел на него:

— Рыбачил? Плел сети?

Чэн Цяньжэнь уклончиво ответил:

— В свободное время занимался и этим...

Мужчина допытывался:

— А что было основным занятием?

Чэн Цяньжэнь почувствовал, что тон у него, как у экзаменатора, и возникло ложное ощущение, что если он ответит, то получит эту работу.

Он честно сказал:

— Доставал утопленников.

После того как он попал в этот мир, он унаследовал этот промысел. Доставать утопленников — это вежливое название, точнее — торговля трупами. Родственники погибших приходили искать тела, договаривались о цене, платили половину задатка. Лодочник плыл на середину реки, нырял с веревкой, к которой был привязан крюк, находил тело, цеплял его, привязывал к лодке и тащил к берегу.

Те, кто погиб в реке, умирали по-разному. Те, кто утонул случайно или при крушении торговых судов, были еще полбеда — просто раздутые, с вытаращенными глазами. Но были и те, кого убили бандиты и сбросили в воду — часто попадались лишь части тел: конечности, туловища, головы.

Сначала Чэн Цяньжэня выворачивало наизнанку, но позже он научился без дрожи очищать тела от ила.

Работа опасная и проклятая, зимой заказов нет, летом тела быстро гниют, но деньги приходят быстро.

Кроме бандитизма, это был самый быстрый способ заработать.

Ответив, Чэн Цяньжэнь занервничал, пока мужчина не сказал:

— Хорошо, оставайся.

В маленькой лапшичной Наньяна пол был залит кровью. До прибытия стражи они закончили свой разговор.

Дождь стих. Чэн Цяньжэнь с миской чая подошел к выходу. Прозрачный настой испускал белый пар, который тут же рассеивался на холодном ветру.

Он поставил чайник рядом с креслом:

— Хозяин, выпейте горячего чая.

— Спасибо.

Чэн Цяньжэнь указал через дорогу:

— Я отнесу чайник другу?

Видишь? Вон там, твой товарищ по безделью.

— Делай что хочешь.

Чэн Цяньжэнь под зонтом вышел в холодный дождь и сказал бледному Гу:

— Вот, принес тебе горячего.

Господин Гу принял чайник обеими руками и посмотрел на него взглядом, полным сыновней любви.

— Выпьешь — верни.

Господин Гу грел руки о чайник:

— На самом деле не стоило. Уже поздно, все равно в такую погоду никто заказывать портреты не станет, я собирался сворачиваться.

В этот момент тень закрыла свет.

Кто-то подошел под зонт Гу и сел напротив них.

Появился клиент.

— Портрет.

На рисовую бумагу легла десятицентовая серебряная монета.

<http://bllate.org/book/21041/2140654>